

Х Р О Н И К А

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ АЗИИ

В декабре 1961 г. в Дели состоялась Международная конференция по археологии Азии, приуроченная к 100-летию Археологического Департамента Индии. Помимо многочисленных индийских ученых, на конференции были представлены ученые Англии, Афганистана, Бирмы, Голландии, Греции, Дании, Индонезии, Малайи, Монголии, Непала, ОРА, Пакистана, СССР, США, Таиланда, Турции, Франции, ФРГ, Цейлона, Швеции, Японии. Советский Союз представляли: С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, С. И. Королев.

Инициатор созыва конференции по археологии Азии и ее организатор — Археологический Департамент Индии (быв. Archaeological Survey of India), возглавляемые ныне д-ром А. Гхошем — одна из крупнейших и старейших организаций подобного рода. Создание ее в 1861 г. придало обследованию и изучению исторических памятников Индии более или менее систематический характер. За истекшее столетие в результате деятельности этой организации, связанной с именами А. Каннингхем, Д. Маршалла, М. Уилера и многих других исследователей, был сделан ряд выдающихся открытий, среди которых особенно значительным было открытие культуры Мохенджодаро и Харалпы¹.

Подлинный расцвет археологических исследований в Индии произошел после провозглашения Независимости. Индийские ученые сосредоточили свои усилия на решении нескольких важнейших проблем истории и археологии Индии. Очень большое внимание уделяется изучению так называемого «темного века» в истории Индии — периода с XV по III в. до н. э. Эта проблема неразрывно связана с историей появления ариев в Индии, которым до недавнего времени приписывалась роль разрушителей древнеиндийской цивилизации. Много внимания уделяется теперь изучению памятников каменного века, проблеме южноиндийских мегалитов и т. д.

Археологический Департамент Индии широко публикует результаты своих исследований. Его отчеты регулярно печатаются в ежегодных сборниках «Indian Archaeology», статьи и исследования — в великолепном серийном издании «Ancient India». Много публикаций дается также в различных периодических изданиях отдельных штатов. За последнее время вышел в свет ряд монографий, авторами которых являются С. Дикшит, Б. Б. Лал, Р. К. Мукерджи, Г. Д. Санкална, Б. Суббарао и многие другие.

О многообразии деятельности Археологического Департамента Индии можно судить по названиям его шести отделов. Это: Отдел раскопок, в ведении которого находятся все раскопки, проводимые на территории Индии; Доисторический отдел, развернувший работу лишь после провозглашения Независимости; Эпиграфический отдел, занимающийся разысканием и прочтением надписей; Садово-Парковый отдел, исследующий садово-парковые сооружения при памятниках и в ряде случаев восстанавливающий их первоначальный облик (например, Таж-Махал); Музейный отдел, ведающий центральными и множеством периферийных музеев; Химический отдел, реставрирующий памятники старины и проводящий химические анализы предметов и материалов, добытых во время раскопок.

С 1959 г. при Археологическом Департаменте создана Археологическая школа, превращенная теперь в Археологический институт, систематически готовящий молодых

¹ О деятельности Археологической службы Индии см.: «A century of Indian Archaeology», «Cultural Forum», т. IV, № 11, Delhi, декабрь 1961, стр. 5—13; J. D. Sharma, The Archaeological Survey of India, там же, стр. 14—20; B. Lal, Expeditions and excavations since Independence, там же, стр. 21—43; S. Roy, Archaeology from Jones to Marshall (1784—1902), «Ancient India», № 9, 1953, стр. 4—28; A. Chosh, Fifty years of the Archaeological Survey of India, там же, стр. 29—52; его же, Centenary of the Archaeological Survey of India, «Antiquity», 1962, № 3.

специалистов. Наконец, Археологический Департамент Индии ведет большую работу по фиксации исторических памятников: в Государственный охраняемый акт внесено более 3000 памятников и выявлено еще по крайней мере 5000 памятников, требующих раскопок или реставрации. С этой работой тесно связана также деятельность Департамента по охране памятников.

На конференции по археологии Азии нашли отражение все основные проблемы, стоящие перед индийскими археологами.

Церемония открытия конференции свидетельствовала о большом значении, которое правительство Индии придает изучению археологических памятников страны. Конференцию открыл министр культуры и научных исследований Х. Кабир; он остановился на успешной работе Археологического Департамента после провозглашения Независимости, особо отметив успехи в изучении памятников хараппского и послехараппского времени. С большой речью выступил премьер-министр Индии Дж. Неру. Он, в частности, сказал: «Мы уходим своими корнями в далекое прошлое. Имея столь глубокие исторические корни, мы должны стараться узнать о прошлом как можно больше не только во имя торжества знания, но и потому, что прошлое в какой-то мере объясняет настоящее. На свете очень немного стран, где в сознание народа так глубоко проник эпос — так, как это произошло с Рамаяной в Индии. Обыкновенный крестьянин, который считался неграмотным, достиг определенного культурного уровня, так как он заглянул в древнюю историю Индии — Рамаяну и Махабхарату. Так же и с древними постройками. Они — живое свидетельство эпохи, и свидетельство не для членов ученых обществ, а для масс народа, которые видят эти памятники повседневно... Чтобы понять настоящее, надо понять прошлое. Даже с позиций будущего необходимо осознать значение прошлого, и археология дает нам возможность это сделать...». Речь Дж. Неру отразила огромное политическое значение исторических, социологических, этнографических и археологических исследований для народов освободившихся и освобождающихся от колониального гнета стран в связи с их национальным возрождением. Эти исследования тем более необходимы, что, как правило, буржуазная историография запутывает и искажает историю народов. Дж. Неру, в частности, отметил, что в старых исследованиях история Индии совершенно бесосновательно делилась на три периода — индусский, мусульманский и британский, причем периоды, предшествующие британскому, рассматривались лишь как прелюдия к нему. Большое место в речи Дж. Неру заняла проблема охраны исторических памятников в связи с широко развернувшимся в Индии ирригационным строительством.

В своем докладе Генеральный директор Археологического Департамента Индии А. Гхош специально остановился на задачах, стоящих перед исследователями археологии Азии. Он призывает к всестороннему изучению археологии этого материка, идущему не только по линии выявления частных особенностей в развитии культур тех или иных областей, но и по линии обобщения результатов, сопоставления фактов, выявления общих черт в развитии культур. А. Гхош поставил вопрос о необходимости пересмотра традиционной археологической терминологии применительно к культурам азиатского материка. Материалы индийских памятников каменного века со всей очевидностью показывают, что для их характеристики традиционная европейская терминология приемлема быть не может. Для лучшего обмена информацией А. Гхош предложил периодически устраивать симпозиумы и выставки, посвященные последним открытиям.

Большую часть своего доклада А. Гхош посвятил обзору достижений индийской археологии и наметил стоящие перед ней задачи. В эпоху палеолита, отметил он, в Индии существовало два типа культур: культура мадрасских двусторонне обработанных ручных рубил собственно полуостровной Индии и соанская культура с орудиями типа «чопперов». Соанская культура широко распространена в северной и северо-западной Индии, ее многочисленные стоянки обнаружены в предгорьях Гималаев. А. Гхош усматривает в появлении первой из этих культур наличие евроафриканских влияний, в появлении второй — восточных влияний. При этом он отмечает, что сейчас существует точка зрения, согласно которой орудия с двусторонней обработкой являются результатом развития односторонне обработанных орудий². Он не отдает предпочтения ни одной из точек зрения, полагая, что пока исследование базируется лишь на типологическом анализе орудий, выводы отнюдь не могут быть признаны бесспорными³.

² См., например: A. Ghosh, A survey of the recent progress in early Indian Archaeology, «Indologen-Tagung, 1959», Göttingen, 1960, стр. 42—43.

³ Разделение территории Индии на две культурно-исторические области еще в эпоху нижнего палеолита — отражение широко известной точки зрения Мовиуса. Последний рассматривал Южную и Западную (до Рейна) Европу, Переднюю Азию, Африку и Индостан как область распространения культуры ручных рубил, а северо-западную Индию, Китай, Тибет, Индокитай и Индонезию — орудий типа «чопперов» (см.: H. L. Mowius, The Lower Palaeolithic Culture of Southern and Eastern Asia, Philadelphia, 1949; его же, Early man and the Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia, ..

А. Гхош указывает, что верхнепалеолитические и мезолитические комплексы на территории Индии еще четко не выделены. Обнадлежающим является недавнее открытие комплексов орудий так называемой серии II, которые, по его мнению, также указывают на влияния с Запада. Эти комплексы широко распространены на территории Индии и представлены ножевидными пластинами, проколками, изредка сверлами и огромным разнообразием скребков. Те же западные влияния демонстрируют и последующие не геометрические микролиты и энеолитические ребристые пластины⁴. Далее А. Гхош коснулся происхождения культуры шлифованных топоров энеолитических обществ центральной Индии и Деккана, которое представляется не совсем ясным. Он специально остановился на неолитической культуре, открытой впервые в северной Индии, в Кашмире. Эта культура характерна наличием землянок, каменных и костяных орудий. Последние раскопки поселения Бурзагом показали, что все сделанные ранее заключения требуют пересмотра и что эта культура бесспорно имеет какие-то внеиндийские связи, а может быть и истоки⁵.

Далее А. Гхош кратко остановился на исследованиях культуры Хараппы и следующего за ней периода. На севере, после небольшого перерыва, вслед за ней появляется «культура серой расписной посуды». Ее датируют по-разному — XI или V вв. до н. э. Внезапное распространение этой посуды указывает, по мнению А. Гхоша, на какие-то внешние влияния, если не на иммиграцию. Эта культура обнаружена в Синде, что позволяет надеяться на то, что она будет найдена еще западнее. Археологи, работающие в западном Пенджабе, Белуджистане, Афганистане и Иране, без сомнения смогут помочь в разрешении этой проблемы.

Важное место в индийской археологии занимает проблема мегалитов. А. Гхош отметил, что происхождение мегалитической культуры железного века южной Индии остается невыясненным. В то время, как некоторые типы погребальных сооружений могут быть сопоставлены с европейскими, большое хронологическое несоответствие требует своего объяснения.

«Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», т. XIX, № 3, 1944). С. Н. Замятнин в свое время, критикуя точку зрения Мовиуса, показал, что выделение каких-то локальных различий в нижнепалеолитических культурах основано на формально-типологических построениях, ибо «начальное, самое первобытное состояние культурного развития человечества на протяжении нижнего палеолита не оставляет места для локального своеобразия» (См.: С. Н. Замятнин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1961, стр. 117). Проблема эта приобретает сейчас особый интерес, так как за последнее время в Индии найдены орудия обоих типов на всей ее территории, а кроме того, часто оба типа орудий залегают в одном слое (См., например: В. В. Лала, Palaeolith from the Beas and Banganga valleys, Punjab, «Ancient India», т. 12, 1956, стр. 59—92). Конечно, для решения вопроса о характере заселения Индии человеком и о направлениях этого процесса совершенно необходимо обнаружить костные остатки человека.

⁴ По заключению Б. Б. Лала, микролиты геометрических форм типа треугольников и трапеций появляются лишь на поздней стадии развития, вместе с появлением керамики. Особенно ярко это прослеживается на материалах с поселения Лангнадж в Гуджарате (В. В. Лала, Expeditions and excavations since Independence, «Cultural Forum», т. IV, № 11, Delhi, 1961, стр. 34). Таким образом, уже не в первый раз подтверждается точка зрения Г. Чайлда, который подчеркивал, что геометрические формы отнюдь не являются бесспорным датирующим материалом и основанием для отнесения того или иного комплекса к эпохе мезолита (Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 51—52).

⁵ Результаты последних раскопок еще не опубликованы; краткие сведения о них мы находим у Б. Б. Лала. Землянки круглой или вытянуто-овальной формы были вырыты в каменистом грунте и имели глубину 1,5—3 м, ширина их — 2—4 м. Каждое такое жилище имело вход шириной 1—2 м, пол которого постепенно понижался, иногда были ступеньки. Вокруг некоторых землянок прослежены столбовые ямы, что свидетельствует о наличии специального перекрытия. На полу землянок лежал культурный слой с находками, содержащий в ряде случаев остатки золы. Среди находок — шлифованные каменные топоры типа наших клиновидных, булавы, костяные гарпуны, иглы, резцы, точила и т. д. Посуда серая лощеная, в основном лепная, с отпечатками плетенки. Следующий период в Бурзагоме характеризуется домами, выстроенными из глины или сырцового кирпича, наличием черной лощеной посуды, которая отличается от «северной черно-лощеной посуды». Продолжают существовать каменные шлифованные топоры, увеличивается количество костяных орудий. Наконец, к последнему, самому позднему периоду относятся большие камни, поставленные вертикально, как менгиры. По мнению Б. Лала, параллели культуре Бурзагом надо искать в Средней Азии и в северо-восточном Иране (См., В. В. Лала, Expeditions and excavations since Independence, стр. 34—35).

В результате исследований, охватывающих уже историческое время, получено много фактов, свидетельствующих об обширных внешних связях Индии. Много споров было по поводу происхождения искусства Гандхары, решить которые может только сравнительное изучение памятников Гандхары и синхронных памятников Западной Азии. Такому сравнительному изучению должны быть также подвергнуты, по мнению А. Гхоша, мусульманское искусство и архитектура в Индии и в странах к западу и северо-западу от нее.

Работа конференции проводилась по четырем секциям: 1) общая археология и археологическая методика; 2) археология каменного и бронзового веков; 3) археология позднейших периодов (общая); 4) археология позднейших периодов (искусство и архитектура).

Перед началом работы секций, на специальном пленарном заседании выступили все председатели секций. Председатель первой секции секретарь Британской академии М. Уилер отметил успехи индийской археологии. Он выразил уверенность в том, что в Индии должны быть найдены костные остатки первобытного человека. Он подчеркнул то большое значение, которое имеет изучение раннеземледельческих обществ, и отметил, что сейчас на территории Азии и Африки известно несколько очагов возникновения и развития земледельческой культуры — Прикаспий, Юго-Восточная Азия, Западная Африка, Юго-Западная Азия.

Председатель второй секции профессор Чикагского университета Р. Брэдвуд остановился на вопросах первобытной истории и археологии Азии, коснулся проблемы происхождения человека применительно к истории заселения первобытным человеком южных областей азиатского материка, говорил о связи Homo Sapiens с каменной индустрией Индии и Азии в целом. Считая, что способы добывания пищи и их совершенствование являются основой, на которой должна базироваться периодизация первобытной истории, Р. Брэдвуд призвал археологов изучать историю способов добывания пищи на всей территории Азии, категорически отрицая возможность распространения земледелия путем диффузии из Юго-Западной Азии. Как и А. Гхош, Р. Брэдвуд считает, что азиатская первобытная археология должна иметь свою периодизацию, несколько отличную от европейской.

Председатель третьей секции профессор Токийского университета Т. Иамамото рассказал о работах археологов Японии, особо остановился на охране памятников старины и их реставрации и призвал исследователей к еще более углубленному изучению древностей Восточной Азии.

Председатель четвертой секции профессор университета в Коломбо С. Парана-вита обратил внимание исследователей на необходимость сравнительного изучения архитектуры различных азиатских стран и отметил то большое влияние, которое оказывает индийское искусство на искусство многих стран Азии.

Советские представители участвовали в работе двух первых секций. Кратко остановимся на обзоре их работы.

На заседаниях первой секции (общая археология и археологическая методика) серия докладов была посвящена предмету археологии и роли археологических материалов как исторического источника.

В своем докладе «Археология в свободной Индии» директор Департамента археологии и музеев Раджастана С. П. Сривастава отметил, что задачей Археологического Департамента является втянуть в археологическую деятельность массы, а это значит перевоспитать их, нарушить существующее представление о том, что археология занимается лишь прошлым и никак не связана с настоящим. Специальные доклады были посвящены музеям и месту археологических коллекций в их экспозиции, организации археологических работ. Все докладчики призывали к использованию таких современных методов исследования, как аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, анализ на C^{14} , пыльцевой анализ и т. д. В докладах индийских ученых прозвучали также призывы к объединению усилий ученых всех азиатских стран для изучения древнейших этапов истории этого материка.

С докладом «Индийская археология и советские горизонты» выступил бывший генеральный секретарь Бенгальского Азиатского общества К. Наг. Его доклад был посвящен обзору достижений советской археологической науки в ряде областей, представляющих особый интерес для индийских археологов. Он отметил, что существуют бесспорные документальные доказательства регулярных сношений между Россией и Индией, начиная с XV в., и призвал к продолжению исследований в этой области. К. Наг специально остановился на работах и публикациях советских исследователей по истории буддизма, индийской археологии, археологии и истории древнего Хорезма. Участвуя в работах Международного конгресса востоковедов в Москве, он имел возможность побывать во многих музеях, в частности в Эрмитаже и Государственном историческом музее в Москве. На него произвело большое впечатление такое построение экспозиции, когда общественный строй, ремесла и искусство народов показаны на протяжении тысячелетий, от доисторических времен до современности.

К. Наг предложил произвести обмен копиями между Эрмитажем и Индийским национальным музеем и открыть в Индии ряд региональных музеев, экспозиция которых была бы построена по тому же принципу, что и экспозиция Исторического музея в Москве.

В ряде докладов рассматривались частные вопросы индийской археологии — история индийского стекла, индийские бусы, техника южноиндийского литья и т. д.

Изменениям в древней гидрографии западной Индии и использованию этих данных при археологических исследованиях был посвящен доклад А. В. Пандья, хранителя археологического музея в Валлабхвидьянагаре. На территории современной Индийской пустыни («Мару» источников) в древности был влажный климат, способствовавший развитию земледелия. Именно здесь текла река Сарасвати Ригведы, русло которой обычно идентифицируют с одним из ныне существующих вади. Судя по источникам, Сарасвати была текущей рекой в ранневедический период, но уже в Махабхарате говорится о ее частичном усыхании. Большие изменения на протяжении веков претерпела дельта Инда. А. В. Пандья считает, что основная причина усыхания рек и превращения этих районов в пустыню — землетрясения и влияние юго-западных муссонов. Он полагает, что растущая засушливость этих мест и вынудила ариев переместиться из долины Инда в долину Ганга. Гидрографические изменения, по его мнению, повлекли за собой изменения в экономике. Земледельческое хозяйство сменилось скотоводческим, а место земледельческих племен, после их ухода из этих районов, заняли пастушеские племена, пришедшие в Индию из областей за Индом. Мы не можем согласиться ни с выводами автора, ни с постановкой вопроса. А. В. Пандья не только исключает влияние человека на изменение природных факторов, но вообще ставит его по отношению к ним в подчиненное положение. Между тем, превращение этих мест в пустыню и упадок цивилизации Хараппы — два тесно связанных между собой вопроса. Причину этих явлений надо искать в каких-то крупных изменениях, происшедших в данном обществе. Сейчас большинство исследователей склонно приписывать упадок культуры Хараппы не только и не столько приходу легендарных ариев, сколько какому-то внутреннему кризису, который переживало это общество⁶. Кризисы, переживаемые крупными рабовладельческими центрами, неизбежно вели к упадку ирригационного земледелия, запущенности ирригационной сети и, как к естественному результату этих процессов, — превращению территории в засушливую и пустынную. Здесь, видимо, происходили процессы, сходные с теми, которые нам удалось, например, наблюдать в междуречье Аму- и Сыр-Дарьи. Что же касается рассуждений А. В. Пандья о переходе чисто земледельческого хозяйства к чисто скотоводческому, то они, как нам кажется, не нуждаются в специальной критике.

Проблематика второй секции (археология каменного и бронзового веков) привлекла внимание большинства участников конференции.

Несколько докладов было посвящено каменному веку Индии, причем в докладе заместителя директора первобытного отдела Археологического Департамента Индии К. Д. Банерджи и прозвучала критика в адрес тех исследователей, которые усматривают наличие в Индии двух нижнепалеолитических культур (культура ручных рубил и культура «чопперов»). Доклад заместителя генерального директора Археологического Департамента Индии Саркара был посвящен неолитической культуре, носители которой жили в полуземлянках. Важно отметить, что жилища такого типа известны теперь не только в Кашмире (Бурзагом), но и значительно южнее, в Декане и Карнатаке.

Большинство докладов было посвящено различным аспектам истории древнейшей цивилизации в долине Инда, истории культуры Хараппы в целом. Если до недавнего времени культура Хараппы была известна лишь в долине Инда, то теперь благодаря усилиям индийских археологов сведения о границах ее распространения расширились на восток до бассейнов Ганга и на юг до Аравийского залива. В вопросе о датировке культуры Хараппы больших расхождений не было. Дата ее начала, предложенная в свое время Уилером — 2500 г. до н. э., в целом была принята с возможным заглублением, но в пределах III тысячелетия до н. э. Основой для датировки служат вещи индийского происхождения, находимые в Месопотамии, Иране.

В докладе археолога Нанавати «Проблемы хронологии хараппских городов в Гуджарате» на основе исследований вновь открытых памятников хараппской культуры сделана попытка синхронизации их с хараппскими памятниками долины Инда. Автор приходит к выводу, что средняя ступень развития верхнехараппских памятников Гуджарата синхронна позднему этапу развития культуры Хараппы в долине Инда. Появление хараппского поселения в Лотхале он датирует временем около 2000 г. до н. э., в Рангпуре — на несколько столетий позже. Однако хараппские поселения в Гуджарате существовали дольше, чем в долине Инда.

Весьма крайнюю и, на наш взгляд, слабо аргументированную точку зрения высказал

⁶ См., например: Г. М. Бонгард-Левин, *Хараппская цивилизация и «арийская проблема»*, «Сов. этнография», 1962, № 1, стр. 44—58, где дается обзор точек зрения по этому вопросу.

К. Н. Састри в своем докладе «Индийская цивилизация и ее ранние связи с Ираком и Ираном в свете новых данных». Автор категорически опровергает ряд положений, выдвинутых еще Дж. Маршаллом после раскопок в Мохенджо-Даро, в том числе и его датировки. Он отвергает и дату Уилера, причем свою датировку начала цивилизации в долине Инда — середина IV тысячелетия до н. э. (!) — пытается подкрепить мало убедительными доказательствами⁷.

В большинстве докладов были широко освещены культурные связи, существовавшие между Индией и Западной Азией в эпоху хараппской культуры. В этом отношении интересен доклад С. Р. Рао «Лотхал и Западная Азия», в котором использованы материалы из раскопок портового города культуры Хараппы — Лотхала. Автор, говоря о находках, явно происходящих из стран Западной Азии, и относя их в основном к Саргонидскому времени (2300 г. до н. э.), высказывает предположение, что среди городов, названных в табличках из Ура, может быть обнаружено и название этого хараппского порта.

Культурам Белуджистана и сопредельных территорий Ирана и Афганистана и связям их с хараппской культурой был посвящен доклад В. Ферсёрвиса «Индианизация пограничных индо-иранских областей — свидетельство по вопросу о происхождении индийской цивилизации». Автор подчеркивает, что поскольку, по его мнению, развитие культуры в этих областях и в долине Инда шло параллельно, — изучение ранних, дохараппских по времени поселений в Белуджистане может много дать для понимания характера культуры населения долины Инда в этот период, тем более что памятники этого времени там еще не открыты. Попытку синхронизации памятников Белуджистана с хараппскими сделал Б. П. Синха в докладе «Подъем и падение цивилизации долины Инда в свете археологических открытий в Западной Азии». Базируясь на радиоуглеродной дате докерамического неолита Белуджистана — 3500—3100 г. до н. э., — автор предполагает, что начало городской цивилизации в долине Инда действительно может быть отнесено к 2500 г. до н. э. Однако он делает оговорку: если предположить, что культура сельских поселений Белуджистана могла сосуществовать с культурой городской цивилизации, то дата начала этой цивилизации может быть и несколько удревнена.

В центре внимания многих докладчиков по-прежнему стояла одна из кардинальных проблем индийской археологии и древней истории — проблема падения хараппской цивилизации и «вторжения» ариев. Как известно, делались и делаются попытки приписать ту или иную культуру послехараппского времени индо-арийским завоевателям. Сейчас наиболее «популярной» в этом отношении является культура «серой расписной керамики». Так, Б. К. Сапар в докладе «Западноазиатское происхождение доисторической керамики Индии II и I тысячелетий до н. э.» пытается сопоставить находки серой расписной керамики в различных областях Западной Азии с лингвистическими свидетельствами о наличии в языке народов этих областей индоевропейских элементов. Однако, это ему, по его же признанию, не вполне удается. Весьма плодотворную, на наш взгляд, точку зрения высказал С. Рей в докладе «Индо-арийцы и их материальная культура». Основываясь на тезисе, что движение народов и племен не обязательно влечет за собой миграцию керамики и других элементов материальной культуры, автор предполагает, что индо-арийцы, пришедшие в Индию откуда-то с северо-запада, приспособились к местным условиям, используя элементы местной культуры, в которой их собственная культура растворилась.

Изучая Ригведу, можно заметить, что ее авторы, не считая отдельных мелких конфликтов, жили в полном контакте с местным индийским населением. Таким образом, остатки материальной культуры прямых предков индо-арийских завоевателей Индии не найдены, но их можно будет уловить, тщательно изучая и анализируя все синхронные культуры разных областей. Напомним, что работами советских археологов на территории Средней Азии установлено появление в ее южных земледельческих районах степных варварских племен во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э.⁸ При этом никакой смены культур не происходит, элементы культуры пришельцев (в частности, грубая лепная керамика с резным геометрическим орнаментом) сосуществуют с местной культурой крашеной керамики. Очень может быть, что послехараппская культура эпохи Джангар стражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры эпохи «варварской оккупации», явные следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья. Возможно, что тот же исторический процесс мы наблюдаем и при анализе материалов из Навда Толи, относящихся к III периоду (верхняя дата — первая половина I тысячелетия до н. э.). Там тоже наряду с расписной посудой встречена посуда с характерным резным орнаментом в виде «елочки» и косой «решетки»⁹. Таким образом, нам представляется, что поиски должны идти не по линии выявления какой-то культуры ариев, сменившей культуру аборигенов, а по

⁷ Подробно об этом см.: K. S a s t r i, *New light on the Indus Civilisation*, Delhi, 1957.

⁸ Подробнее об этом см.: С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 14—35.

⁹ H. D. Sankalia, B. Subbarao, S. B. Deo, *Excavations at Maheshwar and Navdatoli, Poona and Varoda*, 1958, стр. 128, рис. 54—56с.

линии тщательного исследования всех послехараппских комплексов в целом, в которых, очевидно, и удастся найти отдельные элементы культуры пришельцев.

Отдельные доклады были посвящены попыткам дешифровки хараппского письма, причем здесь нет единодушного мнения, начиная хотя бы с вопроса о том, как его читать — справа налево или наоборот.

Значительное внимание было уделено мегалитической культуре южной Индии. Она представляет особый интерес, ибо во-первых, наличие такой архаической формы, как мегалиты, сочетается здесь с многочисленными находками железа, а, во-вторых, этой культуре, датируемой большинством исследователей не ранее 300 г. до н. э., непосредственно предшествует неолитическая. Н. Р. Банерджи в своем докладе «Хронология мегалитов южной Индии» повторяет уже высказывавшуюся мысль о том, что это — культура дравидов, некогда занимавших всю территорию Индии и вытесненных на юг ариями. Он усматривает параллели между культурой мегалитов и культурой надмогильных каменных куч Пакистана и сопредельных районов Ирана, которые прослеживаются не только в деталях конструкции погребальных сооружений, но и в ритуале. По пути на юг будущие строители южноиндийских мегалитов заимствовали у носителей культур медного века некоторые элементы культуры, в частности керамику, и потом творчески переработали их. Автор считает, что южноиндийские мегалиты датируются не 300, а 700 г. до н. э. (?). Для решения проблемы южноиндийских мегалитов, по мнению Банерджи, большое значение имеет проблема черно-красной посуды мегалитов (красная посуда с черными пятнами от неравномерного обжига), которая встречается теперь и в некоторых поздних хараппских комплексах.

В докладе, посвященном черно-красной посуде, Н. Рамесан также отметил, что эта посуда встречается и на поселениях, не относящихся к мегалитической культуре. Основной задачей, по его мнению, является выявление соотношения между неолитической культурой южной Индии, которая датируется серединой I тысячелетия до н. э., и культурой мегалитов, которую он относит к середине II в. до н. э.

Доклад К. фон Фюрер-Гаймендорфа был посвящен памятникам мегалитического типа в Непале и их связям с индийскими мегалитами.

Нам представляется, что твердых данных для заглабления даты мегалитов все же нет. В этой культуре довольно рано появляются римские монеты, которые служат опорой для датировки, а потому дата, предложенная Н. Рамесаном, более убедительна, чем дата Н. Р. Банерджи. Большой интерес представляет обилие находок железа в мегалитических памятниках южной Индии. В связи с тем, что культуре мегалитов стратегически непосредственно предшествовала неолитическая культура (это установлено, в частности, раскопками в Брахмагири), многие исследователи склонны усматривать здесь какой-то огромный историко-культурный разрыв, в рамки которого должны были бы уложиться все переходные культуры от эпохи неолита до появления железа. На самом деле никакого хронологического разрыва здесь не было, а те, кто так думает, находятся под гипнозом европейской терминологии. Западноевропейские и средиземноморские мегалитические сооружения отнюдь не аналогичны «мегалитам» южной Индии, а непосредственный переход от каменных к железным орудиям — свидетельство крупных социальных сдвигов, которые произошли здесь на рубеже эр. Были бы плодотворными поиски решения проблемы южноиндийских мегалитов в связи с историческими событиями, происходившими на территории Индии в последние века до н. э. — первые века н. э. Вспомним ту значительную роль, которую играли в истории Индии со II в. до н. э. сакские племена. А ведь саки могли входить в состав военных гарнизонов на южных границах Кушанской империи или даже раньше, империи Маурья. Сакские племена могли оказать культурные влияния на южноиндийские племена, тем более, что саки стояли на близкой ступени социально-экономического развития по отношению к южноиндийским строителям мегалитов, которые в эти времена переживали переход от первобытно-общинных к классовым отношениям. В пользу этого предположения говорит планировка некоторых мегалитических погребений, в основе которой лежит круг с четырьмя каменными цистами в середине, что напоминает нам сакские погребения нижней Сыр-Дарьи IV — II вв. до н. э. Керамика этих и синхронных памятников бассейна Сыр-Дарьи, откуда основные массы сакских племен двинулись на юг и далее в Индию, напоминает черно-красную посуду индийских мегалитов. Все это рабочая гипотеза, но исследования в этом направлении могут представить большой интерес.

На секции были заслушаны три доклада антропологов Индии — В. К. Чаттерджи и Г. Д. Кумара «Сравнительное изучение и расовый анализ человеческих остатков из Хараппы», А. К. Митры «Новейшие проблемы реконструкции расовой истории Индии в свете современных исследований в Западной Азии» и А. Шармы «Необходимость палеоантропологического изучения ископаемых черепов Деккана в свете изучения расового формирования бушменов».

Чаттерджи и Кумар на значительном костном материале из Хараппы (раньше были известны только единичные находки) выделили четыре антропологических типа, которые хорошо увязываются с антропологическими типами из синхронных памятников Передней Азии (Ура, Ал-Убейда, Киша и др.), а также и с более поздними черепами из Индии, как, например, из Адиттаналура, Маски и др. Докладчиками выделены три евро-

пеоидных типа (два долихокранных и один брахикранный; последний, по мнению авторов, сближается с альпо-арменоидным) и четвертый — веддоидный, долихо-мезокранный. Несмотря на то, что терминология докладчиков, касающаяся первых двух типов, не может быть полностью принята (они предлагают ряд терминов для обозначения первых двух типов, например, «нордийский» и «протонордийский»), само выделение морфологических типов подтверждается аналогичными формами на смежных территориях. Новый краниологический материал заполняет белое пятно в нашем представлении о древнейшем населении Хараппы и дает основание для более широких обобщений в понимании процессов этногенеза на территории Белуджистана и Передней Азии.

В своем докладе «Новейшие проблемы реконструкции расовой истории Индии в свете современных исследований в Западной Азии» А. К. Митра, основываясь на гипотезе проф. Гуха, высказывает предположение, что древнейшим типом долины Инда был комбинационный европеоидный верхнепалеолитический тип, который позднее смешался с проникшим с территории Передней Азии средиземноморским типом. Обоснование этого положения может быть дано лишь после исследования скелетов из Бурзагома в Кашмире (материалы эти совсем не известны советским исследователям). В этом докладе светло-пигментированные элементы, существующие среди брахманов и некоторых других групп, без достаточных оснований связываются, с одной стороны, с арийским вторжением («скифо-иранские элементы»), с другой (применительно к высшим кастам пенджабов и сикхов) — с более поздним движением с Памира, которое, по мнению А. К. Митры, могло бы рассматриваться, как миграция «северной расы». Возможность существования среди населения Индии отдельных элементов с относительно светлой пигментацией не исключена. Однако следует категорически отклонить всякие попытки воскресить давно отброшенную историей расовую теорию о культуртрегерской роли «нордийской расы». Вопрос об участии в формировании населения Хараппы прото-австралоидного типа автор ставит лишь предположительно.

В докладе А. Шармы интересна попытка объяснить происхождение бушменского типа в Африке, пользуясь аналогиями, которые могут быть прослежены в расовом типе тамиллов и маратхов (низкорослость и африканоидные черты).

В конце работы второй секции прочли свои доклады советские ученые. Доклад С. П. Толстова «Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий» был посвящен проблеме, которая представляет интерес для индийских ученых в связи с большой ролью, которую сыграли сакские племена в истории Индии. В докладе Т. А. Трофимовой «Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным краниологии)» на фактическом материале были вновь продемонстрированы древние связи между народами Индии и Средней Азии. Краниологические материалы из могильника бронзового века Кокча 3 в низовьях Аму-Дарьи и с энеолитического поселения Монджуклы в южной Туркмении, занимающего географически как бы промежуточное положение между степями южного Приаралья и Индией, дали дравидоидный тип, близкий древнему и современному населению южной Индии. Эти материалы чрезвычайно заинтересовали индийских антропологов, и советская делегация была приглашена на кафедру антропологии Делийского университета, где были продемонстрированы черепа, сходные со среднеазиатскими. По просьбе руководителя кафедры проф. Бисваса для учащихся и преподавательского состава кафедры Т. А. Трофимовой и С. П. Толстова сделали краткое информационное сообщение о работах в области этнографии и антропологии в Советском Союзе.

Заканчивая свою работу, конференция приняла следующие решения: 1) Конференция по археологии Азии будет собираться систематически с интервалом около пяти лет; 2) будет организован постоянный Секретариат Конференции, который будет состоять при Археологическом Департаменте Индии; 3) в состав членов-учредителей будут входить по одному представителю от каждой страны и лица, известные своими исследованиями по археологии Азии и приглашаемые Секретариатом. Члены-учредители рекомендуют место созыва Конференции и способы ее финансирования.

В связи с юбилейными торжествами и конференцией Археологический Департамент организовал большую выставку «Индия в веках», на которой были богато представлены многочисленные археологические коллекции и великолепные памятники искусства. Экспозиция выставки обратила на себя внимание умелым и впечатляющим сочетанием изобразительного и вещественного материала.

Участники конференции имели также возможность ознакомиться с историческими памятниками Дели и его окрестностей и с знаменитыми памятниками Агры.

Прошедшая конференция по археологии Азии была значительным событием в международной научной жизни. Превращение ее в регулярно действующий научный орган должно способствовать углублению исследований в области археологии различных областей Азии и координации усилий научных учреждений и отдельных ученых разных стран¹⁰.

С. П. Толстов

¹⁰ Приношу глубокую благодарность Т. А. Трофимовой, С. И. Королеву и М. А. Итиной, участвовавшим в обработке отчетного материала.